

МОЙ ПРЕКРАСНЫЙ ЗЛОБНЫЙ ЭЛЬФ

ПОЛИНА
ЛЮРО

16+

Полина Люро

Мой прекрасный злобный эльф

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Люро П.

Мой прекрасный злобный эльф / П. Люро — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

О, эти прекрасные остроухие длинноволосые эльфы, созданные природой, чтобы легко бегать по лесам со своими луками, трепать бороды глупым гномам и смущать доверчивых красавиц! Серьёзно? А если эльфы — злобные и коварные угнетатели побеждённых ими рас, включая людей? Как студенту из нашего мира не только выжить, но и сохранить человеческое достоинство в этом жестоком мире?

Глава 1

Я несколько секунд смотрел в раскрытую книгу, а потом со стоном её захлопнул.

– Чёрт, Лин! Что за дрянь ты читаешь? Я пересмотрел все книги на твоей полке, полная фигня — гоблины, орки, одноглазые эти...

– Циклопы, — подсказала она спокойным голосом, не отрываясь от монитора. Её тонкие пальчики продолжали порхать по клавиатуре.

– Да какая к чёрту разница, сплошной бред! Неужели ты это читаешь? Ты же взрослая женщина, и, вообще, забыла, зачем я пришёл? — и, склонившись, попытался сзади поцеловать её тонкую шею, отведя в сторону локон каштановых волос. Но она повернулась и закрыла мои губы ладонью.

– Никаких шалостей, малыш. У меня — работа, сейчас закончу и тогда... — она шуточно толкнула меня, и я с размаху приземлился на стоявший у стены диван. Никак не мог привыкнуть, что за хрупкой внешностью соседки скрывалась такая сила.

– И долго тебе ещё «работать»? — продолжал я ныть, меня тянуло к ней с самого первого дня нашего знакомства, а случилось это ровно месяц назад. То, что Лин была старше — меня не смущало. Я только что отметил девятнадцатый день рождения, а ей могло быть и двадцать пять, и тридцать. Но мне было всё равно, очарованный её красотой и напором, я сдался ещё в тот наш первый день...

* * *

Я вернулся из университета, и ключ от двери, как обычно, застрял в замочной скважине. Столько раз просил отца сменить эту старую рухлядь, но он только махал рукой и отговаривался, что ему некогда. Мне же было лень, и сегодня я снова проклинал себя за то, что не сменил замок. Ключ застрял намертво и не думал поворачиваться.

Дома, конечно, никого не было, в такой тёплый сентябрьский день мама была на даче, а отец — на работе. Хлопнула дверь холла, я спиной почувствовал, что кто-то вошёл, и перестал дёргаться. Просто стало неловко. Сначала услышал звонкий перестук её каблучков, а потом низкий женский голос насмешливо произнёс:

– Помочь? — и не успел я и слова произнести, как она быстро провернула ключ и открыла дверь, смеясь:

«Прошу, можете не благодарить. Я Ваша новая соседка. Меня зовут Лин, странное имя, да? А мне — нравится. А как Ваше имя?»

Она смотрела на меня, улыбаясь, и её миндалевидные зелёные глаза под длиннющими ресницами и яркие пухлые губы сразу свели меня с ума, превратив в идиота. Я так растерялся, что даже имя своё забыл, только и делал, что пялился на неё и краснел.

Не дождавшись ответа, прекрасная соседка засмеялась и, открыв дверь в свою квартиру, сказала:

«Если вспомнишь, заходи на чай, я сегодня весь вечер дома...»

Это был недвусмысленный намёк и, как только дверь за ней закрылась, я со стоном ввалился к «себе», сбросив с плеча рюкзак. На то, чтобы набраться храбрости, у меня ушло минут пять. Сам не свой позвонил в её дверь, не представляя, что буду говорить.

Но, как оказалось, волновался я напрасно: она открыла и сразу же втащила меня внутрь квартиры. А дальше всё пошло само собой, инициатива полностью была в её руках. Девушка оказалась настолько изобретательна в любовных утехах, что я просто потерял голову. Никогда ещё не испытывал ничего подобного, немудрено, что влюбился в неё по уши. А что ко мне чувствовала сама Лин, если вообще испытывала хоть что-нибудь, кроме любопытства, так и не смог понять.

Её зелёные глаза смотрели на меня с усмешкой, как на очередной трофеей, и сначала меня это задевало. Но обида продержалась ровно до того момента, как, сбросив короткий шёлковый халатик на пол, она поманила меня к себе длинным пальчиком. Я снова потерял голову.

Мы встречались каждый день после работы. Я подозревал, что она журналистка, судя по тому, сколько времени красотка проводила за ноутбуком, при этом не отвечала ни на один мой вопрос, смеясь, мол, «не дорос ещё, чтобы вмешиваться в серьёзные дела». Это было её условие — никаких вопросов, и мне пришлось смириться. Таинственная взрослая женщина увлекла меня настолько, что я готов был терпеть её насмешки и унижительные прозвища — «мальш» и «детка», порою чувствуя себя рядом с ней не человеком, а домашним питомцем.

Вот и сегодня вечером история повторилась. Лин надо было закончить какие-то правки, и мне пришлось ждать, когда она обратит внимание на горящего нетерпением любовника. Я попытался отвлечься и полистать книги на полке, но это были однообразные фэнтезийные романы, отличавшиеся друг от друга только убогими названиями, вроде «Любовь по-эльфийски», «Страсть дракона» или ещё что-то более ужасное. Ничего кроме ехидной ухмылки подобная «литература» у меня вызвать не могла.

Я не засмеялся только, чтобы не обидеть Лин, но её вкус, скажу прямо, меня разочаровал. Она задерживалась с работой и пригрозила выгнать меня, если буду ей мешать, то есть опять обращалась со мной как с глупым мальчишкой. Вздыхнув, достал из холодильника бутылку колы и, открыв первую попавшуюся книжонку, попытался её почитать.

Меня хватило на две минуты, сюжет был высосан из пальца, и я сразу понял, кто тут главный злодей и как с ним будут бороться отважные герои ещё почти на трёхстах страницах. Закрыв книгу и с тоской посмотрел на обложку. На ней было изображено ушастое хитромордое существо зелёного цвета в набедренной повязке.

– Лин, зелёный тип на обложке, это что, гоблин? Я как-то по-другому их себе представлял.

– То есть? — она даже не повернулась в мою сторону, не отрывая пальчики от клавиатуры.

– Поинтереснее, что ли, а этот похож на помесь жабы с крысой, такой урод.

– Что поделать, гоблины — они такие, но, знаешь, внешность бывает обманчива. Среди них встречаются вполне порядочные экземпляры, какие бы слухи о них не распускали.

– Шутишь, да? Ты говоришь о них как о реальных существах, а это всего лишь выдумка...

– Это ты шутишь, малыш, просто ты с ними не знаком, они так же реальны как эльфы, гномы и великаны.

Я понимающе покачал головой и забросил книгу в угол. С этого всё и началось.

Лин нахмурилась и грозно сказала, чеканя каждое слово:

«Немедленно подними книгу и поставь на полку».

Я примирительно замахал руками. Но увидев нешуточный гнев на лице подруги, неохотно отложил напиток в сторону и встал, чтобы исправить свою ошибку. Подошёл к углу, где она только что лежала около гнутой ножки старинного шкафа. Лежала несколько мгновений назад, но сейчас её там не было. Это было странно, неужели проскользнула под шкаф? Вот так меткость!

Пришлось лечь животом на пол и заглянуть в темноту. Но та первой посмотрела на меня большими жёлтыми глазами. Сначала принял их за два маленьких мяча, пока они не моргнули. Честно скажу — я растерялся и потёр веки рукой, наверное, слишком долго просидел у монитора, а потом снова посмотрел. Они приближались, не переставая моргать.

Я испуганно подскочил.

– У тебя тут крысы, что ли, Лин?

– Нет у меня никаких крыс. Да что за глупости ты сегодня несёшь? Перезанимался в университете?

– Что-то вроде того, но, Лин, не хочу тебя пугать, там под сервантом что-то с желтыми глазами, и оно — движется, ей-богу...

– А! Ты о гремлине Пусе! Не бойся, он совершенно безобиден, я его давно приручила. Я деланно засмеялся.

– Ну у тебя и шуточки, может, и вправду, кое-кто из нас перезанимался, а кто-то — явно переработал. Закрывай ноутбук, пора расслабиться и отдохнуть, — и я попытался нежно приобнять её за тонкую талию, но словно пушинка был отброшен на диван.

Лин развернулась ко мне, и её глаза под нахмуренными бровями впервые за всё время нашего знакомства недобро сверкнули, да так, что мне стало не по себе.

– Где книга, Эжен? — ей нравилось коверкать моё имя, нет бы звала меня как все — Женья, или Юджин, в крайнем случае. — Я не шучу, даю тридцать секунд, чтобы ты поставил её на полку. Время пошло.

Это было уже слишком. Да что она о себе возомнила? Не переносу, когда со мной так обращаются.

– Всё проверил — нет там твоей книжки. Может, твой «гремлин» Пуся её утащил. Кстати, какой он породы? Я пушистых котов люблю, ты его чем кормишь, книжками с картинками?

– Печёнкой, иногда человеческой. Если немедленно не вернёшь книгу, узнаешь, какие у него острые зубки. И учти, мой гремлин любит тёплую еду с кровью...

Я засмеялся, приняв это заявление за шутку.

– Лучше купи ему паштет. Ну сколько можно ждать, Лин? Я здесь уже больше часа маринуюсь, нечестно, красотка...

Лин неожиданно захлопнула крышку ноутбука, решительно встала и подошла к углу, в который я по глупости запустил книгу. Она внимательно всё осмотрела и ещё больше нахмурилась.

– Ну, видишь, говорил же тебе, что она пропала, это твой Пуся виноват.

Лин посмотрела на меня с таким презрением — пожалел, что вообще сегодня зашёл к ней. Её глаза ехидно прищурились, а в голосе послышались металлические ноты.

– Дурацкие книжки, говоришь? Между прочим, это я их написала. Не веришь в гремлинов? Так давай я вас познакомлю, — и она как-то очень неприятно засмеялась, а потом позвала: «Пуся, деточка, покажи лапку!»

Я взял недопитую бутылку колы и сделал большой глоток, эти игры начали меня утомлять. И чуть не подавился закашлявшись. Из-под шкафа показалось нечто тонкое, с пятнистой зеленоватой бугристой кожей, отдалённо напоминавшее лапу очень большой лягушки. Или ящерицы с перепонками между тонкими узловатыми пальцами с такими огромными загнутыми когтями, что я невольно сделал шаг назад.

– Беру назад свои слова насчёт Пуси, это мало похоже на котёнка. Ты что, любительница пресмыкающихся? Так для них вроде нужен террариум.

– Только не Пусе. Ему нравится свобода, он только свет не любит. Но по ночам шустро бегает, преимущественно, по потолку.

Я невольно поднял голову и ахнул: весь потолок и стены были усеяны мелкими отверстиями — следами, оставленными Пусиными когтями. Это как же мне повезло, что я ни разу не остался здесь на ночь! Лин принесла из кухни приличный кусок печёнки размером с мой кулак, положила на салфетку и подтолкнула к шкафу, где прятался её питомец.

Дальнейшее не могу вспоминать без содрогания. Из-под шкафа показалась вторая лапа и легко располосовала когтями печёнку на маленькие части. А появившийся длинный чёрный язык быстро стал слизывать мясо с салфетки. Вся процедура заняла у Пуси несколько секунд.

Я нервно сглотнул, а Лин, заметив это, довольно ухмыльнулась. И было в этом что-то нечеловечески хищное, что заставило меня срочно извиниться.

– Прости, Лин, не хотел тебя обидеть, ты же мне не говорила, что пишешь книги. Это здорово, и я ничего не имею против. Сам когда-то с удовольствием читал такое. Не сердись, я сейчас всё вверх дном переверну, но найду твою книжку и поставлю на полку.

Боже, каким же провинившимся ребёнком я себя чувствовал, разве мужчина позволил бы с собой так обращаться? В моей голове крутилось только одно — немедленно покинуть эту странную квартиру вместе с её ненормальной хозяйкой. И никогда больше сюда не возвращаться.

Но Лин была другого мнения. Моего унижения ей показалось мало, и она продолжила меня терроризировать.

– Бедный Эжен, кажется, ты немного испугался. А зря, Пуся, конечно, не гремлины, тут ты прав, просто я не знала, как правильно перевести на твой язык название его вида.

– Перевести? С какого?

– С эльфийского. Ну что, думаешь, у меня совсем крыша поехала? Глупыш, просто я никак не привыкну к вам, людям: странный народ, скажешь правду — смотрите как на сумасшедшую, зато в книгах можно придумывать разную чушь, и это идет на «ура». На Родине меня бы давно на смех подняли за подобные «сочинения».

– А ты, конечно — типичная эльфийка, — решил ей подыграть, — и как я сразу не догадался? И давно ли прибыла к нам из Лихолесья?

– Что за странный край, не слышала о таком, — Лин нахмурилась, — впрочем, это неважно, потому что ты ошибся в главном.

– В чём же именно? Не говори, неужели ты дриада или русалка? — продолжил я «игру». Она засмеялась.

– А ты фантазёр, Эжен! А говорил, что сказки не любишь. Надо же такое придумать — лесные русалки! Запомню, и в следующем романе так и напишу, это будет забавно... Нет, малыш, я имела в виду другое. Я не эльфийка, я — эльф.

Моя челюсть упала. Пора, кажется, вызывать «скорую». Моя подруга не просто «перетрудилась», у неё точно какое-то психическое расстройство. И как я сразу не догадался... Надо поскорее отсюда убираться, пока она меня в Наполеоны не произвела, бедняжка. Ей лечиться надо, причём, серьёзно.

Видя, какое впечатление на меня произвело её «откровение», Лин немного смягчилась.

– Да ты не пугайся, в вашем мире я — настоящая женщина. Не знаю, почему так происходит, каждый раз, когда меня сюда забрасывает — меняю пол. Сама в шоке, поверь.

Я не знал, что ответить, но продолжать этот фарс больше не мог.

– Знаешь, мой милый эльф, ты, конечно, прекрасна и сочиняешь здорово, но я уже устал от этого. Пойду-ка я домой, до встречи, незнакомка! Надеюсь, в следующий раз ты отдохнёшь как следует...

Она не дала мне продолжить, прижала сильной рукой за шею к стене и слегка придавила. Я почувствовал, что задыхаюсь, отчаянно барахтаюсь, пытаюсь оторвать её руки от своего горла, и умоляюще посмотрел в глаза. А там... там был такой холод, словно кусочек айсберга откололся от глыбы и плескался в зелёном океане.

В глазах подруги не было ненависти или злобы, даже простого интереса — только равнодушие и скука, мне же от страха ещё почудилось желание поскорее меня прикончить. И, клянусь, так бы и случилось, если бы из-под шкафа не раздался странный задыхающийся вопль.

Лин тут же меня отпустила.

– Пуся, что случилось? Неужели, началось?

Звук повторился, и теперь в нём я расслышал, а, может, у меня от недостатка кислорода глюки пошли, неясное — «да, Хозяин». Я судорожно глотал воздух и медленно сползал на пол. По-хорошему надо было бы скорее бежать отсюда, но почему-то я не мог этого сделать. Стран-

ная плотная волна прокатилась по квартире, задев и меня. Глаза инстинктивно закрылись, и мне показалось, что я падаю в бесконечный колодец...

Глава 2

В голове шумело и цокало, словно рядом неторопливо прошла лошадь. А потом остановилась около меня и решила облегчиться. От непередаваемого аромата я инстинктивно открыл глаза и увидел прямо перед собой раскачивающийся хвост. Под ним как раз и лежала целая россыпь... того самого, что заставила меня резво подскочить, наплевав на головокружение. Правда, меня сразу же снова потянуло к земле, и сопротивляться этому я не смог.

– Какого чёрта, что в доме делает лошадь? Уберите её немедленно, и навоз тоже....

– Ты что так разорался-то, а говорил, что любишь животных. Ай-яй-яй, врунишка, — издевался надо мной странно знакомый голос, — и что разлётся среди улицы? Хочешь, чтобы эта самая лошадь по тебе пару раз прошла? Они в нашем мире такие упрямые и обидчивые. А ещё мстительные, поверь, не шучу...

Я не только плохо соображал в тот момент, но и видел неважно, потому что вместо привычных стен с обоями в полоску мне мерещилась довольно широкая мощённая камнем улица, посередине которой я и лежал, подслеповато шурясь. Рядом прогудел старинный клаксон, и медленно протарахтела допотопная машина, украсившая бы собой разве что начало прошлого века. Такой раритет я только на картинках видел.

Пока приподнимался на локтях, разинув рот, подбежал невысокий человек в костюме, похожем на форму жокея, поклонился кому-то за моей спиной и, взяв бесстыжую лошадь под уздцы, увёл. В этот момент сильная рука сзади схватила меня за шиворот рубашки и буквально вздёнула на ноги. Я возмущённо обернулся и столкнулся взглядом с нахмуренным лицом красивого молодого человека.

Он был одет в костюм-тройку: удлиненный пиджак, белоснежную рубашку с жёстким воротником, почти закрытую блестящим жилетом, и брюки с отворотами. У него была отличная спортивная фигура, густые волнистые волосы едва достигали плеч, но больше всего меня поразили его глаза — зелёные, насмешливые, в которых я увидел презрение, смешанное с лёгкой скукой.

– Закрой рот, Эжен, и быстро иди за мной. Может, предпочитаешь быть раздавленным автомобилем? Или тебе больше по душе конный трамвай, вон он уже приближается к нам. Ты умудрился свалиться на рельсы и, похоже, даже не заметил этого.

Я слотнул и посмотрел под ноги. Елки-палки! И правда — рельсы, и трамвай на конной тяге не спеша двигался в нашу сторону... Меня что, занесло на съёмки исторического фильма, но когда и как? Почему я ничего не помню. И кто этот самовлюблённый щёголь с таким знакомым лицом?

Но спросить я ничего не успел, потому что тип, откуда-то знавший моё имя, снова бесцеремонно взял меня за шкуру и буквально потащил за собой на тротуар. Я как мог пытался сопротивляться грубому вмешательству в мою жизнь, но наглец дал мне хорошего пинка, видимо, пытаясь успокоить трепыхание.

– Не сопротивляйся и переставляй ноги, от страха уже и двигаться разучился? Ну, прости, я тебе не родная мама. По новой учить не собираюсь. Хочешь, чтобы оставил тебя здесь, и первый встречный украсил твою шею рабским ошейником? Представляешь, что такое серебряные рудники? Не пялься на меня, Эжен! Прими как должное, я пытаюсь тебя спасти, хватить рыпаться, просто молчи и иди за мной. Да, и не вздумай забегать вперёд — слуге не полагается опережать хозяина. Если тот, конечно, не прикажет, — и мерзкий зазнайка противно засмеялся.

Меня от этого даже передёрнуло.

– Какого лешего тут происходит? И ты, придурок, убери от меня руки, а то попорчу твой портрет. Совсем... — тут я немного добавил яркости и образности своей речи, украсив её исконно русскими выражениями.

Парень ухмыльнулся, и его глазах промелькнул интерес.

– А ты забавный... Таким я тебя ещё не видел. Ну что уставился, не узнал до сих пор? Это я, Лин, твой «прекрасный эльф», — и, помолчав, добавил вдоволь налюбовавшись моей реакцией, — рот закрой, Эжен...

Ну что сказать, ощущения были непередаваемые, но я постарался себя успокоить, повторяя: «Что же я вчерапил, раз меня так «вставило»? Не помню, кажется, только колу. Откуда же галлюцинации? Сейчас, сейчас... Надо только покрепче зажмуриться, а когда открою глаза...

– Эй, ты что это, спать вздумал? У меня нет на это времени, своих забот полно. Навязался ты на мою голову, мальчишка, — и он так гаркнул мне на ухо, что я от страха чуть снова не упал, — рота, подъём!

– Эльфийский придурок! Да что б тебя! Решил меня оглушить, зараза... — он меня взбесил. На его же смазливой физиономии расплылась довольная ухмылка.

– Вот так-то лучше. Смотрю — признал во мне эльфа, говорил же тебе недавно, кто я, а ты, глупыш, не поверил, — он специально сказал это голосом «моей» Лин, даже интонацию изменил. Сволочь, просто издевался надо мной. Как же хотелось размазать его глумливую улыбочку, но я не стал этого делать, и не потому, что не мог. Тут было совсем другое. Как ударить по её лицу? Это меня и останавливало, и чёртов эльф, или кто он там был на самом деле, прекрасно это понимал.

«Ничего, ничего! Рано радуешься, я тебе всё припомню, найдётся подходящий случай», — думал, кусая губы и сжимая кулаки.

Не знаю, чем кончилась бы наша перепалка, но тут появился... настоящий гоблин. Вот ей богу! Точно такой же, как в книге у Лин, только не в набедренной повязке, а вполне современно, но слишком уж мрачно одетый. В моём представлении именно так должен был в идеале выглядеть представитель похоронного бюро — чёрный костюм, рубашка — в тон, лакированная обувь и унылая физиономия.

На минуточку, различия, конечно, были. Особый шарм этому субъекту придавал замечательный зелёный цвет лица, грустные, утонувшие в складках кожи глаза и растянутый рот. Кого же он мне напомнил? Да это же лягушонок Пепе, только изрядно постаревший и с большими заострёнными ушами, в одном из которых покачивалась золотая «пиратская» серьга.

Не знаю почему, он сразу вызвал во мне симпатию. В отличие от того создания, которого этот «ушастый клон Пепе» вёл на поводке. Небольшая полуметровая ящерица в золотом ошейнике, с пупырчатой, как упаковочная плёнка, серо-зелёной морщинистой кожей и выпученными жёлтыми глазами. Её когтистые лапы были мне знакомы, и этот чёрный язык, которым он всё время облизывал нос, посматривая на меня с интересом. Пуся, нехороший пожиратель человеческой печени!

Я сразу его узнал и сам не понял, как нырнул за спину эльфа. Тот, казалось, воспринял это как должное и, присев на корточки, начал с умилением поглаживать своего питомца по шершавой голове.

– Как быстро ты его догнал, Уго! В твоём-то возрасте так бегать — просто удивительно, — смеялся эльф.

Хриплый низкий голос совершенно не подходил гоблину, но его слова, обращённые к зазнайке, мне понравились.

– Не напоминай мне о возрасте, Фаби, а то я напомню, как драл тебя розгами в детстве, в следующий раз сам лови своего кокодрилла, — и он то ли закашлялся, то ли засмеялся.

Я быстро вынырнул из-за эльфа и ухмыльнулся, увидев, как покраснело его лицо.

– Прошу, Уго, думай, что говоришь, когда обращаешься к своему господину, — но сказано это было как-то не очень уверенно. Я ликовал в душе: «Ну что, умыл тебя славный Уго, паршивый эльф!»

Уго перестал смеяться и приподнял тонкую бровь, которую я сначала даже не заметил.

– Что ты там сказал, Фаби? Дерзишь учителю? Это — хороший повод для наказания. Пожалуй, мне стоит вспомнить, куда я положил свою канна, пусть попляшет по твоей гордой спине. Или ты уже забыл, что пока ещё я твой наставник, а не жалкий слуга. Кстати, что за человеческий ребёнок находится рядом с тобой? Ты же клялся, что никогда не свяжешься с людьми?

Я снова посмотрел на своего обидчика — тот уже побледнел и кусал губы, как ещё совсем недавно это делал я.

Уго довольно хмыкнул.

– Ну, Фаби, что надо сказать?

– Прости, учитель...

– Так-то лучше, и заberi от меня этого ужасного кокодрила, от него воняет, — Уго передал смиренно стоявшему эльфу поводок от Пуси. После чего подошёл к краю дороги и щёлкнул пальцами. Коляска, напоминавшая карету с откидным верхом, запряжённая двумя лошадьми, кажется, их называли ландо, возникла из ниоткуда. Уго открыл для Фаби дверцу и занял место кучера.

Сердитый эльф, поджав губы, грубо втолкнул меня в повозку и сел рядом. Мы двинулись вперёд, и я восхищённо вертел головой. Это был чудесный город — чего тут только не было: невысокие старинные особняки соседствовали с современными небоскрёбами, через узкие тёмные журчащие каналы были перекинuty ажурные мостики, а вдали виднелся огромный подвесной виадук, чем-то напоминающий знаменитые Золотые ворота. И при этом повсюду переливалась огнями такая же как у нас вездесущая реклама. Странного вида автомобили соседствовали с конными экипажами, в небе парили гигантские дирижабли, а уж публика, мимо которой мы проезжали — была ни с чем не сравнима...

В общем, я засмотрелся. Сердце заходило от восторга, щёки возбуждённо горели, и ещё не зная его, я уже любил этот удивительный город. А какой был воздух: чистейший, напоённый ароматами зелени и цветов, сменявшийся аппетитными запахами свежей выпечки, от которых начинал требовательно ныть желудок: скорее дай попробовать эту вкуснятину, хозяин! На смену им приходили переливы изысканных духов, кожи, моря и чего-то неизвестного, но, наверняка, замечательного.

Эльф всю дорогу молчал, лишь однажды сказав:

«Смотрю, тебе понравился мой мир, Эжен».

Я пробормотал:

«Да это же настоящий дурдом!»

И сказал это в восхищении, мельком взглянув на соседа. Но Фаби меня не понял, закатив глаза, всем своим видом демонстрируя, что ожидал от меня совсем других слов. Подумаешь, какая цаца...

– Ты вульгарен, человек...

– А ты высокомерен, Фаби...

– Не называй меня так, а уж если произносишь моё имя, не забывай добавлять слово «господин». И не потому, что я так хочу — мне плевать, но в нашем мире люди находятся на положении рабов. Будешь позволять себе вольности, тебя могут очень больно наказать. Например, вырвут язык...

У меня от его слов похолодело в груди, я посмотрел на него — не было похоже, что он шутил.

– С чего это вдруг?

– С того, мой глупый Эжен, что война, которую десятилетиями вели эльфы и люди, выиграли — кто? Ну, прояви хоть немного интеллекта, ты же в университете учишься...

Я задохнулся от его насмешки и процедил сквозь зубы:

«Неужели — высокомерные отстойные ребята?»

Он кивнул.

– Теперь люди — низшее сословие, полностью зависящее от нас. Они или рабы, или слуги.

– Только не говори мне, что мои соплеменники смирились с таким положением вещей. Ни за что не поверю в это.

– Нет, конечно. Они до сих пор пытаются вернуть себе свободу. На рудниках нет недостатка в рабочей силе...

Странно, произнося эти слова, эльф отводил взгляд, и в его голосе не было ожидаемой гордости, словно он стыдился подобного положения вещей. Я промолчал и глубоко задумался. Теперь этот мир уже не казался мне таким заманчиво прекрасным.

– Отправь меня домой, Фаби. Не хочу и не буду ничьим слугой.

– Если просишь меня о чём-то, может, назовёшь меня Лин, я так хочу, — он откровенно издевался надо мной.

– Прости, не могу. Для меня Лин — прекрасная женщина, в которую я был влюблён. Тебе напомнить, чем мы занимались по вечерам целый месяц? Отводишь глаза... Так вот, я к мужикам равнодушен, и ты для меня — Фаби. Лин осталась в прошлом.

Он молчал и не настаивал. Что случилось с зазнайкой? Впрочем, вскоре всё стало ясно. Эльф колебался, я видел, как дёргалось его веко, но, наконец, решившись, он сказал:

«Здесь никто не знает, куда я пропадаю на месяц. Так что, если хочешь, чтобы в следующий раз я взял тебя с собой и вернул в твой мир — молчи. Для всех — ты мой слуга. Пойми, я правда пытаюсь тебе помочь, иначе ты давно бы был уже мёртв. Придётся терпеть и приспособливаться. Засунь свою гордость куда подальше. Ни с кем не разговаривай, кроме Уго. Он всё знает».

Наступила моя очередь играть в молчанку. А что я мог сказать? Выхода не было. Распрощаться с жизнью или немного потерпеть? Я выбрал второе.

В это время чьи-то острые зубы разорвали кожу мне на щиколотке и стали жадно вгрызаться в плоть. Я вскрикнул и застонал от боли. Фаби мгновенно наклонился и оторвал вцепившегося мне в ногу Пусю от его добычи, накричав на него. Этот мерзкий гремлин, или как там его по-настоящему называют, сидел тихонечко под скамьёй, выжидая удобного момента, чтобы мне напасть. Я сразу чем-то ему не понравился. Впрочем, наша антипатия была взаимной.

Кровь стекала в кроссовок, быстро его наполняя, стоило мне только взглянуть на ногу, и мир вокруг начал медленно вращаться. Из-за шума в ушах невозможно было разобрать, что говорил мне Фаби. Внезапно стало невыносимо жарко, и я увидел, что нахожусь в бабушкином саду, под моей любимой яблоней. Как в детстве лежал на траве и смотрел в небо, а горячее июльское солнце пыталось меня сжечь...

Ко мне подбежала Лин в белоснежном платье и стала тормошить, повторяя снова и снова: «Не спи, Эжен, нельзя закрывать глаза, посмотри на меня. Что ты видишь?»

– Тебя вижу, Лин. Ты как всегда прекрасна, но мне очень жарко. Почему ты плачешь? Не надо...

Внезапно жара начала спадать, налетел приятный прохладный ветерок и унёс не только обжигающее солнце, но и бабушкин сад. Надо мной склонилось любимое, мокрое от слёз лицо.

– Тебе легче?

– Да, всё прошло, только не плачь. Я в порядке.

Голос сразу изменился и стал холодным, как вода в крещенской проруби.

– Ну вот и хорошо.

Кто-то схватил меня за руку и помог сесть. Экипаж стоял. Рядом со мной были встревоженный Уго и бледный Фаби с подозрительно красными глазами.

Уго размахнулся и влепил эльфу пощёчину.

– Ненормальный! Так рисковать из-за человека, о чём ты думал? Заниматься магией в твоём-то возрасте, а если нас засекли? Ты подумал о последствиях?

– Прекрати распускать руки, Уго! Я уже не маленький ребёнок, не хочешь «последствий» — возвращайся на место и гони лошадей изо всех сил. Ничего со мной не случится, я — сильный... — и с этими словами он без сознания свалился рядом со мной.

Я успел подхватить его, осторожно опустив на сидение. Сел рядом, придерживая Фаби, положив его голову себе на плечо, и рывкнул на Уго:

«Гони скорее, забыл, что он сказал?»

Уго вытаращил на меня свои странные глаза, кивнул и помчался с неожиданной для себя скоростью. Мгновение — и просвистел кнут, лошади резво рванулись вперёд. Меня прижало к мягким сиденьям, вокруг замелькали деревья, и через несколько минут экипаж миновал высокие ворота, остановившись у каменного крыльца белоснежного особняка.

Кажется, мы прибыли на место вовремя, потому что подбежавший к нам Уго облегчённо выдохнул и нежно погладил Фаби по бледной щеке:

«Просыпайся, непокорный мальчишка, слава богине, всё в порядке, мы — дома...» — и он заплакал.

Глава 3

Но Фаби не желал открывать глаза, и Уго, буркнув мне:

«Никуда не уходи», — быстро помчался в дом, не слыша, как я пробубнил себе под нос: «Интересно, куда же я денусь».

Он вернулся через пару минут с бутылкой из синего стекла, вытряхнул из неё себе на ладонь несколько капель и осторожно стал смазывать ими виски ученика. Я, честно говоря, не разобрался, кем они друг другу приходились. Фаби называл Уго сначала слугой, потом учителем и просил у него прощения. А Уго без зазрения совести грозился его отлупить и даже ударил. Какому слуге позволялось такое? Нет, их связывало что-то большее, может быть — дружба?

Ох, не смешите меня, дружба между высокомерным эльфом и стариком гоблином? Это даже в сказках невозможно, а тут... Впрочем, кто их разберёт! Вон как трясутся руки Уго, и зуб на зуб не попадает. Переживает за Фаби или боится расплаты за свою дерзость, и о каких последствиях он говорил? Сплошные «непонятки»...

В это время эльф пришёл в себя, и я не поверил своим ушам, первыми его словами были: «Как Эжен, он в порядке?»

Старик сплюнул на землю и проворчал:

«Сумасшедший, у тебя с головой что ли проблемы? О человеке он беспокоится, да кто он тебе? О себе подумай. Сколько правил ты сегодня нарушил, и сам чуть живой остался. Что я скажу твоему отцу? Он и так донимает меня вопросами, где ты постоянно пропадаешь и почему не готовишься к службе. Итак уже совсем заврался на старости лет, выгораживая тебя, дуралея...»

Вместо ответа эльф крепко обнял утирающего слезу гоблина. Я стоял, смотрел эту мелодраму и не верил своим глазам. Прямо добрый дедушка и внучок. Нда... И кто дёрнул меня за язык в такой трогательный момент? Наверное, моя глупость.

– Может, объясните, что произошло?

Ответом мне стали две серьёзные мины и дружное рывканье:

«Нет!»

– Ладно, не очень-то и хотелось, — пошёл я на попятную, но эльф «завёлся».

– Я предупреждал тебя, чтобы ты помалкивал. Хочешь выжить здесь, веди себя тихо и не задавай лишних вопросов, — он опять «включил» высокомерного зазнайку, его глаза были холоднее льда, безжалостны и равнодушны. Словно делал мне одолжение...

В тот момент я забыл, что он только что спас мне жизнь, меня понесло.

– А кто, спрашивается, притащил меня сюда в этот ваш уродский мир, где людей считают за животных? Я тебя, паршивый эльф, об этом не просил!

Он задохнулся от гнева, на его лице появилось выражение, обещавшее мне непередаваемые муки. Сразу захотелось спрятаться куда-нибудь подальше, желательно, на другой континент, если он тут вообще существовал.

– Что? — закудахтал Уго, — ты притащил в наш мир любовника? Да ты в своём уме? У тебя здесь этого добра что ли мало?

Я удивлённо посмотрел на Фаби, он покраснел и растерялся.

– Уго, что ты мелешь? Следи за словами, а то не посмотрю, что ты мой учитель... Иди-ка лучше на кухню и приготовь мне поесть, я очень устал, да и это чучело надо кормить...

Уго окинул обоих уничтожающим взглядом и ушёл. Но его сгорбившаяся спина служила нам неммым упреком. Я-то тут вообще был не при чём, но почему тогда мне было так неловко, словно сделал что-то постыдное? Фаби молчал, я — тоже, мы оба не поднимали глаз. Наконец, послышалось ледяное:

«Иди за мной, я кое-что тебе объясню, может тогда ты прислушаешься к моим словам».

Он повернулся и стал подниматься по лестнице. Я не спеша следовал за ним и ловил себя на мысли, что мне неприятны слова старика гоблина. Что со мной, я ревную что ли, но кого? Лин осталась в моём мире, это совсем другой человек, тем более — мужчина, и всё равно, почему-то... Господи, вот дурак, нашёл, о чём думать, мне надо отсюда выбираться, а без Фаби мне этого точно не сделать. Так что плевать мне на его секреты, главное — продержаться и попасть домой. Всё и точка.

Дом внутри поражал своей роскошью и изысканностью. Ну да, благородные эльфы и, похоже, не голодающие, в то время как люди умирают на рудниках или стирают им бельё. Вот твари! Меня передёрнуло, но я уже взял себя в руки и отложил эмоции «на потом», когда вернулся домой. Если вернуться...

Эта мысль мне не понравилась, и я постарался прогнать её как можно дальше. Тем временем мы зашли в светлое помещение, просто и скромно обставленное. Но даже моя комната на Родине казалась по сравнению с ней жалкой каморкой. Эльф подошёл к шкафу и распахнул его створки: он был полон одежды — простой, но вполне носибельной.

– Эта твоя комната, потом переоденешься, как подобает слуге, и не возражай.

А я ничего и не говорил, уже всё решил для себя: главное — выжить, поэтому можно и потерпеть. Представлю, что это спектакль, в котором мне приходится участвовать против воли. А эмоции оставлю при себе, во всяком случае, постараюсь это сделать.

Видя, что я «не выступаю», Фаби повёл меня на второй этаж.

– Здесь комнаты господ, без вызова входить нельзя. Иди в эту дверь, там мой кабинет, поговорим, как обещал.

Кабинет был очень просто обставлен — ничего лишнего: стол и кресло, пару шкафов, доверху набитых книгами и безделушками, небольшой диван у стены, на которой эльф мне кивнул. Я осторожно сел, продолжая осматриваться. Фаби расположился в кресле и взял со стола прозрачную пластину, его пальцы быстро по ней забегали, напомнив мне знакомую картину: я прихожу к Лин, а она — за ноутбуком...

– Надо же, а у вас, наверное, и интернет есть? — сказал, особенно не рассчитывая на ответ.

– Да, что-то наподобие сети, только построена она на магии. Этот мир, Эжен, весь держится на ней.

Я только пожал плечами. Тоже мне, удивил. Раз здесь есть эльфы и гоблины, почему бы не быть и интернету. Да и магии. В детстве я так мечтал стать волшебником, а теперь моё заветное желание кардинально поменялось — только и думаю, как сбежать от всего этого.

Ждал продолжения разговора, но Фаби молчал. Я взглянул на него: он сидел, рассматривая то ли небольшую картину, то ли фотографию. На нём не было лица. Только собрался его окликнуть, но тут эльф неожиданно встал, так резко отодвинув кресло, что оно покачнулось и завалилось на бок. Но он не обратил на это никакого внимания. Это становилось интересно.

Подошёл ко мне и сел рядом, протянув портрет. Двое детей лет десяти, несомненно, близнецов, стояли, взявшись за руки, улыбаясь, но по-разному. Девочка с длинными каштановыми локонами, перехваченными атласной лентой, хитро усмехалась, словно задумала какую-то авантюру. Её прекрасное белое платье развевалось на ветру.

Рядом стоял мальчик с такими же волнистыми волосами, он улыбался смущённо и смотрел куда-то в сторону, словно его силой заставили позировать, и это было ему совершенно неинтересно. Казалось, он ждал первой возможности, чтобы выбраться из цепких рук сестры и убежать.

Я узнал их — это были Лин и Фаби. Возвращая портрет в руки печального эльфа, спросил:

«Что случилось с вами обоими? Где сейчас твоя сестра?»

Он взял фото и осторожно отложил его в сторону, словно оно причиняло ему боль.

— Если бы я только знал, Эжен. Лин всегда была немного сумасшедшей, её характер — подобен урагану, она противоречила не только мне — всем. Словно внутри неё жил какой-то неуёмный беспокойный дух. Ей всегда было мало того, что она имела, и хотелось большего. Это её и погубило.

Он замолчал и закрыл лицо руками.

— Всё дело в магии. Мы не можем заниматься ей, пока не достигнем определённого возраста, это даже законом запрещено. И неспроста. Организм эльфов в детстве очень слаб, магия работает совершенно непредсказуемо, и даже самое простенькое заклинание с лёгкостью может убить. Поэтому в наших семьях особенно берегут детей, приставляя к ним учителей и наставников, чтобы присматривали за ними.

— Уго? — спросил я.

Фаби кивнул.

— Но Лин запреты не останавливали, она никого не слушала и начала свои тайные эксперименты с магией уже в раннем возрасте. Сестра была так же талантлива, как и безрассудна.

— А ты знал об этом?

— Да, и очень жалею, что не смог её остановить. Больше того, она заставила меня ей помогать. Во время одного из её «исследований» произошло непредвиденное, это случилось больше года назад. Не смотри на меня так, Эжен! Да, по человеческим меркам я выгляжу твоим ровесником, но я как минимум в три раза тебя старше. И несмотря на это, по нашим законам, мне до совершеннолетия ещё целый год. Жизнь людей коротка, а наша — напротив, вот и взрослеем мы намного позднее...

Я почувствовал, как у меня тоскливо засосало под ложечкой. Мог бы и не напоминать, что моя жизнь ничтожна мала и легко может оборваться в этом мире. А я ещё толком и жить-то не начал. Видно, мои невесёлые мысли отразились на лице, и Фаби всё понял.

— В тот день я помогал ей в секретной лаборатории в подвале. Это наш второй дом, что-то вроде дачи. Отец отсылал нас сестрой сюда, когда у него были важные дела. Нам здесь нравилось. Так вот. Что-то произошло во время «эксперимента»: не было ни взрыва, ни землетрясения, Лин просто исчезла. Мы с Уго и учителем Лин обыскали всю округу, её нигде не было. Я никому, кроме Уго, не сказал, что произошло. И все сочли, что её похитили.

Понимаешь, Эжен, если бы я признался отцу, чем она занималась, он потерял бы не только работу крупного чиновника в Военном министерстве, но, скорее всего, и жизнь. То же случилось бы со всеми нами. Поэтому я вынужден молчать. Думаю, мой отец давно обо всём догадался. Но пытается сохранить нам жизнь, делая вид, что Лин похищена.

Я вздрогнул, всё это было ужасно.

– Фаби, так кого же я встретил в нашем мире — Лин или тебя?

– Нечто среднее, — эльф усмехнулся, — потому что с пропажей Лин история не закончилась. Через месяц произошёл необъяснимый всплеск магии, и меня выбросило в твой мир. И, самое удивительное, что я оказался в теле сестры. Она тоже была там, внутри головы, и пыталась руководить моими поступками. Нет, я не сошёл с ума и не слышал голосов, но она как-то умудрялась управлять моим, то есть, её, телом. Это всё магия, я не мог сопротивляться... Ты даже не представляешь, что мне пришлось пережить в чужом теле — выдумщица сестра заставила меня вытворять такое, что и врагу не пожелаешь...

Я посмотрел в лицо Фаби — оно горело от стыда, и тогда впервые мне стало его жалко.

– Вот это да, Фаби, а дальше что?

– Через неделю мучений меня вернуло назад домой. И месяц я жил спокойно, а потом — пошло-поехало. Никакой системы — иногда раз в две недели, иногда через пару месяцев меня снова выбрасывало в твой мир. С моим-то характером я бы там пропал, но сестра руководила мной, и ты сам видел — сумела приспособить меня к «новой» жизни. Но это так мучительно, и как остановить этот кошмар — не знаю. В этот раз ты случайно попал под магическую волну. Я не хотел вредить тебе и чувствую себя виноватым.

Он встал и повернулся ко мне.

– Эжен, то что я тебе рассказал — не просто большой секрет, от этого зависят жизни всех членов моей семьи. В курсе только Уго, но ему я полностью доверяю. А вот теперь к нам присоединился ты. Выбор у меня небольшой — убить ненужного свидетеля моей глупости или поверить в то, что ты будешь молчать. Я тебя совсем не знаю, хоть ты и был моим любовником, потому что Лин так хотела. Убеди меня, что тебе можно верить, во мне нет кровожадности, но, поверь, если что, моя рука не дрогнет...

Я посмотрел в его глаза — в них была боль и решимость. «Точно — не дрогнет: сначала прирежет, а потом поплачет над моим трупом. Но, с другой стороны — он же меня спас, когда я «загибался» от укуса мерзавца Пуси. Значит, надежда есть. Он прав, хотел бы — давно меня прикончил», — и я рискнул.

– Не хочу вредить ни тебе, ни твоей семье, Фаби, тем более ты и так настрадался. Да и как-никак я твой должник. Можешь положиться на меня, ты моя единственная надежда выбраться отсюда. Я готов не только молчать, но и во всём тебе помогать. Решай сам.

Это всё, что я мог тогда сказать. Негусто, конечно, зато от чистого сердца. И он поверил. Во всяком случае, оставил меня в живых. Пока.

В это время дверь кабинета распахнулась, в неё влетел Уго, казалось, от страха его глаза вылезли на лоб:

«Фаби, твой отец здесь, и он очень не в духе. Ты придумал, что будешь говорить ему на этот раз? Боюсь, он тебе не поверит. И что мне делать с этим человеком?»

Фаби проявил чудеса выдержки — то есть надел маску злого равнодушного эльфа.

– Забери Эжена на кухню и скажи, что я привёз его из путешествия. Теперь он будет твоим помощником, обучи его как следует. Идите скорее, мне предстоит тяжёлый разговор.

Уго кивнул мне, и я покорно побежал за ним следом. Мы едва успели проскочить, как мимо нас пронёсся молодой красивый офицер, на вид не старше Фаби. Его роскошная изумрудного цвета форма произвела на меня неизгладимое впечатление, на минуту я забыл, как ненавижу эльфов, угнетателей человеческого рода. И ещё меня поразили его уши. Я так при-

вык, что в играх и кино эльфы — остроухие, а тут аккуратненькие такие ушки, ну чуть больше человеческих, и всё. И никаких тебе кос. Строгая стрижка, настоящий военный.

По пути на кухню мы зашли в «мою» комнату, пришлось переодеться в свободный серый костюм. Я не сопротивлялся — один чёрт! Хоть не шотландский килт, и то спасибо! Но когда мы пришли на кухню, и Уго, усадив меня за стол, молча проколол мне ухо и вставил в него такую же, как у себя, серьгу, я чуть не набросился на него с кулаками. А он просто показал мне большой перстень с печаткой, взял его щипцами и стал нагревать на огне.

– Это ещё зачем? — не на шутку всполошился я.

– Не хочешь фамильную серьгу, поставлю клеймо, куда предпочитаешь — на лоб или щёчку? — и его лицо приняло серьёзное «похоронное» выражение.

– Не надо, меня серёжка вполне устраивает, — испуганно пробормотал, и Уго довольно ухмыльнулся: «То-то же. Не умничай, не дома». Я даже ответить ему не смог — как ни крути, он был прав.

Ну, а потом всё между нами было неплохо. Уго оказался терпеливым и внимательным наставником: объяснил мне обязанности слуги, спокойно реагируя на бесконечные вопросы и ошибки, которые я совершал, и показал, какие блюда и как должен буду поставить на стол во время семейного обеда между Фаби и его отцом.

– Главное, не поднимай на старшего господина глаз, это обычно плохо заканчивается. Поставишь большое серебристое блюдо, куда я сказал, и быстро уходи. Дальше один справлюсь. Понял?

– Да чего там понимать, подумаешь, ерунда... — храбрился я, но сердце просто выскакивало от непонятного страха.

Я так и не понял, почему Уго внимательно на меня посмотрел и тяжело вздохнул.

Одно дело сказать, а совсем другое... Короче, у меня тряслись поджилки, когда мы поднимались с Уго на второй этаж. Там я сделал, как научил меня наставник — поставил блюдо и уже собирался смыться, как внезапно почувствовал, что что-то словно тянет меня за подбородок, заставляя поднять голову. Я испуганно тарачился в прекрасные смеющиеся глаза папашин-эльфа, а потом он меня «отпустил» и отвернулся. Меня как ветром сдуло.

Дрожа, сидел за кухонным столом, уронив голову на руки. Мне было как-то не по себе. Я боялся признаться себе, что даже если бы его магия не заставила меня посмотреть ему в глаза — всё равно сделал бы это сам, не в силах оторваться от его смеющегося сияющего взгляда. Он заморозил меня, чёртов маг. Уго осторожно потрогал меня за плечо и прокашлялся.

– Слушай, Эжен, тут такое дело... Старший господин приказывает тебе подняться к нему в спальню. Прямо сейчас, — и он снова закашлялся, будто ему в горло внезапно что-то попало.

– Зачем? — испуганно спросил я, вставая.

Уго с интересом рассматривал узоры на полу.

– Говорил же тебе — не смотри ему в глаза. Эльфы — они такие, со слугами не церемонятся, особенно, если те молоды и красивы, как ты... Мне жаль, но выбора у тебя нет.

Глава 4

Я замер, в первую минуту не зная, что ему ответить. Горячая волна пробежала по телу, это был не жар — гнев: до меня дошло, чего от меня хотят. Первым моё отношение к этому вопросу оценил Уго, видимо, мой недобрый взгляд серьёзно его напугал. Он быстро попятился назад и спрятался за кухонным шкафом. Но я и там его нашёл...

Схватил за грудки и попытался его головой пробить стену, но он так завизжал, что я не выдержал. Отпустил его на минутку, радостно ухмыльнувшись, потому что увидел большой нож для разделки мяса и, вооружившись им, пошёл за гоблином.

– Прости, Уго, но первым всегда страдает гонец, принёсший плохую весть. Не стоило тебе мне это говорить. Что значит «нет выбора»? Он есть, и я его тебе сейчас покажу. Сначала

тебе, а потом и твоему козлу-хозяину... Ненавижу эльфов и весь этот ваш идиотский мир, в который меня занесло. А ну вылезай из-под стола, всё равно достану, зараза зелёная...

– Прости меня, прости, человек. Ну что ты всё так близко к сердцу принимаешь? Ничего же пока не случилось, и ножик-то положи. Меня ты им, может, и прикончишь, а вот с эльфом у тебя этот номер не пройдет. Он же маг, а ты — нет, поэтому всё равно, даже против воли, сделаешь, что он тебе прикажет. Магия — она такая... Смирись, мальчик.

Последние его слова взбесили меня ещё сильнее. Резать я бы его, конечно, не стал, но кулаками попотчевал от души. Но не дали. В кухню влетел Фаби, видно, между ним и гоблином была какая-то связь, раз прискакал к нему на помощь. Я смотрел на него, как рассвирепевший зверь, выставив вперёд нож.

– Не приближайся ко мне, извращенец, сын извращенца. Не посмотрю, что ты мне жизнь спас, покалечу...

Уго рванулся из-под стола прямо к Фаби и зашептал ему на ухо. Тот кивнул головой и побелел.

– Успокойся, Эжен, положи нож и жди меня здесь. Я сейчас всё улажу. И, пожалуйста, не обижай Уго, он не заслужил такого.

Развернулся и быстро выбежал за дверь. Его слова немного меня отрезвили. Нож выпал из руки на пол, и я беспомощно опустился на скамью, схватившись за голову. Гоблин засеменил ко мне мелкими шажками и протянул кружку с водой.

– Выпей, Эжен, и приди в себя. Что ж вы, люди, такие горячие?

Я буркнул, не поднимая головы:

«Сгинь вместе со своей отравой, зашибу!»

Тот покорно отошёл и начал тяжело вздыхать.

– Глупый ты ещё, молодой, слишком нетерпеливый. Знаешь, что теперь будет? Нет? У Фаби с отцом и так напряжённые отношения, особенно после того, как Лин пропала. Если папаша разозлится, может выгнать сына из дома и вообще, устроить ему ссылку на какой-нибудь далёкий остров Северного Архипелага. Ты не представишь, какие там страшные места, никто больше месяца не выживает. Ох, судя по тому, с какой скоростью отец Фаби выбежал из дома, они здорово поругались. Ну, всё. Теперь жди беды...

Поднял голову и увидел, что Уго прилепился носом к окну.

– А мне-то какое до этого дело? — сердито пробурчал я.

– Серьёзно, не понимаешь? Ты же вроде домой собирался, и как, интересно, у тебя это без Фаби получится? Его отошлют подальше отсюда, — Уго понизил голос почти до шёпота, — а тебя мстительный отец в бордель продаст. Вот что тебя ждёт, дуралей.

Я снова «завёлся», но теперь в моих словах уже не было прежней уверенности.

– Я — свободный человек, никто не имеет права распоряжаться моей жизнью...

– Ну да, свободный, в стране, где люди не знают этого слова, а только мечтают о нём. У тебя в ухе серьга с клеймом эльфийского дома, забыл? Думал, я её тебе просто для красоты повесил, что ли? Ты — собственность Эжена, не станет его, перейдёшь к отцу. И сразу говорю, не пытайся её снять — не получится. А если попробуешь ухо отрезать, бывали такие умники, то, по закону, тебя вздёрнет первый же патруль...

Он посмотрел на меня, в его глазах было сочувствие.

– Когда-то по молодости я тоже пытался бороться: много раз убежал, потерял счёт поркам, один раз меня хотели повесить, и много раз пытался сделать это сам. Фаби не позволил. Держись за него и не делай глупостей, Эжен. Просто потерпи. Никто не обещал тебе, что жизнь в нашем мире будет простой. Собери всё своё мужество и повзрослей — только так выживешь.

Я молчал, признавая его правоту. Но легче от этого мне не становилось.

Хлопнула кухонная дверь, вошёл Фаби, в его красивых глазах была тревога, но увидев, что мы спокойно разговариваем, он облегчённо выдохнул.

– Уго, собери нам с Эженом поесть, и, будь добр, оставь наедине, нам надо поговорить.

Эльф сел за стол напротив меня и молча смотрел в миску с кашей, которую поставил перед ним Уго. Я делал то же самое, и, хоть был очень голоден, меня тошнило от аромата, заполнявшего кухню. Сейчас мне было не до еды. Скрипнула, закрываясь, дверь, гоблин ушёл. И тогда Фаби поднял на меня глаза. Я никогда ещё не видел такого неприкрытого бешенства, эльф на меня злился. Если бы взгляд убивал, меня давно бы уже не было в живых. Но его крепко сжатые губы не двигались. Наконец, его прорвало.

– Никогда, слышишь, никогда не смей обижать Уго. Тебе, маленькому дураку, даже не снилось, что ему пришлось вытерпеть, и сколько добра он сделал мне и моей сестре. Я перед ним в вечном долгу. А ты посмел ему угрожать... — его глаза метали молнии, но голос был спокоен, — если у тебя будут проблемы — просто говори о них мне, я постараюсь защитить тебя. Скажи, что понял.

Я кивнул, опустив голову.

И тут он на меня заорал, и куда только делось хвалёное эльфийское самообладание?

– Спрашиваю, понял? Отвечай громко, чтобы я слышал!

Сосчитав про себя до десяти, успокоил дыхание и негромко сказал:

«Я понял тебя, эльф, и не надо на меня орать, не глухой».

Мне показалось, он меня сейчас ударит. Но нет. Просто встал и вышел, громко хлопнув дверью. И вот тогда, убедившись, что остался один я... нет, не заплакал, просто схватил миску с горячей кашей и запустил её вслед ушедшему «хозяину». А вот после этого уже... Не могу об этом говорить, и так всё понятно.

Отдышавшись немного, быстро пошёл в «свою» комнату и бросился на кровать. Полежав немного, почувствовал знакомый аромат. На небольшом столике нашлась ещё одна миска с кашей, прикрытая куском лепёшки. Сев и немного поколебавшись, съел всё до последней крошки, убеждая себя, что делаю это только для того, чтобы поддержать силы. Мысли путались, но одно мне было совершенно ясно — я здорово влип...

Когда каша была съедена, а миска — вылизана дочиста, в дверь тихо постучали. Фаби не стал бы так делать, поэтому я негромко крикнул:

«Заходи, Уго!»

Он вошёл и остановился у порога, видимо, всё ещё меня опасаясь.

– Пойдём на кухню, Эжен, надо убраться, поможешь мне, а потом я покажу тебе дом. Это будет интересно, вот увидишь.

Я встал, забрал с собой пустую миску и пошёл вслед за сторбленной спиной Уго.

– Прости меня, не стоило мне так себя вести. Помутнение, наверное, нашло. Ты не заслужил такого, Уго.

Он остановился и, развернувшись, внимательно посмотрел мне в глаза, словно проверял, не смеюсь ли я над ним. И только потом кивнул. Его плечи расправились, и от этого на душе почему-то стало немного легче.

Мы молча навели порядок на кухне, а потом Уго провёл для меня обзорную «экскурсию». Я категорически отказался идти на второй этаж в «покой» хозяев, меня от одной этой мысли передёргивало, зато попросил показать лабораторию Лин, из которой она исчезла. Я видел, что гоблин колебался, но потом всё-таки согласно кивнул.

– Только не говори об этом Фаби, он рассердится. Сейчас он ненадолго уехал из дома, так и быть, пойдём. Хотя ничего интересного ты там не увидишь. Главное, руки не распускай — ничего не трогай, а то мало ли что может случиться. Фаби намекал мне, что чувствует там какую-то остаточную магию. Не знаю, что это за штука, но давай быстренько взглянем и уйдём от греха.

Я согласился с ним. Мы стояли перед обычной дверью, но на ней было уйма замков, защёлок и огромный засов. Пока Уго неторопливо открывал их один за другим, мне стало не по себе. Честно, я пожалел, что напросился сюда.

Наконец, дверь была открыта, и мы вошли. Это была небольшая тёмная комната, и Уго зажёл свечу, предусмотрительно захваченную им с собой. Я с трудом переступил через порог, мне было страшно. Вдоль стен располагалось множество шкафов, доверху набитых книгами. Воздух был затхлым и каким-то «неживым», у занавешенного окна стояли простой стол и стул. То, что находилось на столе, было спрятано под чёрной тканью. По углам уже появилась паутина, что придавала этому месту ещё более мрачный вид.

– Вот видишь, ничего особенного здесь нет. Вот там, у стола, Лин и стояла, когда это с ней случилось. Фаби тогда в ужасе примчался ко мне, он от страха даже дар речи потерял, а когда я прибежал, в этой комнате весь воздух сиял, и по нему, как по морю, гуляли разноцветные волны. Очень красиво и жутко одновременно. Мы с Фаби тогда быстро закрыли помещение, потому что одна такая волна тогда развернулась в нашу сторону, и, вот чем хочешь, поклянись, мне показалось, что это Лин смотрит на меня, — прошептал Уго.

У меня от его слов мурашки поползли по всему телу, захотелось немедленно убежать отсюда. Но ноги почему-то не слушались. Паутина в углах комнаты внезапно зашевелилась, и послышался знакомый смех Лин, тихий и такой жуткий. Мы с Уго одновременно завопили и, выскочив из комнаты, начали быстро закрывать замки и защёлки. Что-то с силой ударило в дверь с той стороны, словно стремилось вырваться наружу, но мы не стали испытывать судьбу и выбежали на улицу.

– Ничего себе, Уго, это ты называешь «остаточной магией»? Да я чуть штаны от страха не намочил, — выпалил я, переводя дыхание. Уго смотрел на меня как-то странно.

– Знаешь, я раз в неделю захожу туда по поручению хозяина, и ни разу ничего подобного не происходило. А ещё ты слышал, что прошептал голос?

– Да ничего не было, просто, видно, ветер прошумел, немного похоже на смех, — неуверенно сказал я дрожащим голосом.

– Какой ещё ветер, тут всё закрыто. Нет, Эжен, я совершенно отчётливо слышал, как голос Лин произнёс твоё имя. И не смотри на меня так. Я — не суеверный, но всё это очень странно. Не спроста, не спроста.

От слов Уго моя дрожь только усилилась.

– Пошли назад, хватит с меня этого дома, посмотрелся.

Уго тяжело вздохнул.

– Нет, Эжен. У нас с тобой осталось ещё одно дело. Здесь внизу, под домом находится зверинец. Я, а теперь и ты вместе со мной, должен раз в день кормить бедных обитателей подземелья и менять им воду. Колодец находится там, внизу, пойдём на кухню, возьмём ведра и еду. Одному мне уже тяжело таскать это.

Я покорно кивнул, хотя после увиденного в комнате Лин смотреть ещё и на зверинец совсем не хотелось. И дома-то терпеть не мог зоопарки: не переносу, когда животных держат в неволе, а теперь придётся каждый день «любоваться» на это наверняка малопривлекательное зрелище.

На кухне Уго дал мне в руки два тяжелых ведра, доверху наполненных кусками сырого мяса, причём, судя по размеру этих «кусочков», кормить нам предстояло, минимум, льва или тигра, причём гигантского. У меня заранее заболело сердце. Ввалив на себя эту ношу, я еле плелся за Уго, который нёс такие же полные ведра безо всякого напряжения. Я же кряхтел, как старый дед, постоянно останавливаясь и отдыхая.

– Что такое, Эжен, ты же сильный мальчик, а с таким пустяком справится не в силах, что ли? Поспеси, там много работы...

Мы спустились по крутой винтовой лестнице в подвал и, надо сказать, это было то ещё испытание. Когда же остановились перед обитой металлическими полосами дверью, с меня градом лил пот, а ноги подкашивались, а вот Уго даже не запыхался. Он смотрел на меня и грустно качал головой.

– Всё время забываю, что вы, люди, слишком слабы, это плохо...

– И...ничего...я не слаб, фух! Наконец-то пришли, да?

Уго вздохнул и произнёс:

«Почти».

Он открыл дверь одним из ключей, что висели у него на поясе, и мы вошли в большую круглую галерею. Сверху она была забрана решёткой, так что свет и воздух свободно поступали вниз. Но только центр помещения был освещён. Сами клетки, вернее, огромные вольеры, находились в тени. Это меня удивило.

– Уго, а почему животные лишены света? Это же слишком жестоко.

– Что ты знаешь о жестокости, Эжен... Здесь почти все обитатели привыкли к этому. Не подходи к клеткам, стой в центре. Я сам займусь кормлением и, вот что — не пугайся, если какое-нибудь создание высунет свою лапу или морду. Ты уж очень впечатлительный. Да и нос зажми, дыши ртом, сейчас они зашевелиятся, вонь будет ужасная. Пока действует заклинание, ещё можно дышать, но и оно не всегда справляется. Здесь никогда не чистят клетки...

– Но почему, Уго? — попробовал я возмутиться.

– Потому, мой мальчик, что это невозможно. Они все только и ждут любой нашей ошибки, чтобы выбраться на волю. И, к тому же, так велел старший господин. Ему нравится, когда они страдают.

Я сплюнул от возмущения, но гoblin строго на меня посмотрел, и надел на нос какое-то приспособление в виде прищепки и мне протянул такое же. Удивлённо его разглядывал и прозевал момент, когда обитатели зверинца нас почуяли и зашевелились. Запах был просто сногшибательный в прямом смысле этого слова. У меня заслезились глаза, и вся съеденная еда тут же покинула мой слабый человеческий желудок. Я быстро заткнул нос прищепкой...

Сразу стало легче дышать, но это относилось только к запахам. А вот шума прибавилось раз в сто, так мне показалось. Отовсюду ревели, хрюкали, орали и издавали такие непередаваемые звуки, что я просто мгновенно оглох от этой какофонии. Голова закружилась, и всё поплыло перед глазами. Но Уго не дал мне упасть в обморок.

Вместо этого он подвинул меня к колодцу, вырытому прямо посередине этой тюрьмы, и заставил набирать воду, которую выливал в специальные радиальные желоба. По ним вода попадала к обитателям этого каземата. А потом Уго стал ловко с помощью огромных вилок засовывать куски мяса под клетки. У меня глаза на лоб полезли, когда множество когтистых и перепончатых лап просунулись через прутья, требуя еды.

Я не выдержал и сел на землю. Это было ужасно. Но самым страшным мне показались огромные, похожие на человеческие руки, просунувшиеся из одного вольера и раздавшийся оттуда вой, смутно напомнивший мне слово: «Еда!»

А ещё среди множества протянутых лап я заметил несколько маленьких детских ручонков, и слёзы бессилия навернулись на мои глаза. У меня не было сомнений, что там, рядом с животными, держали человеческих детей. Я сидел, покачиваясь, когда Уго тронул меня за плечо и крикнул в ухо:

«Эжен, я закончил! Уходим!»

Не могу вспомнить, как он помог мне встать и вывел за железную дверь, как поднимались по лестнице и вышли на воздух, где мой наставник осторожно усадил меня под дерево и напоил водой. Он не приставал с вопросами, давая прийти в себя. Когда мне стало немного легче, я робко потрогал Уго за рукав, и тот повернул ко мне своё печальное лицо. Оказалось, он всё это время сидел рядом, осторожно поглаживая мою руку.

Еле разлепив вмиг пересохшие губы, кое-как выдавил из себя вопрос:

«Скажи, Уго, кто собран в этом зверинце? Что это за несчастные существа? Неужели подобные создания водятся в диких лесах вашей страны? Мне показалось, я там такое видел...»

– Там собраны представители тех народов, с которыми воевали наши нынешние господа — эльфы. И победили их. Это зверинец для проигравших. Да, Эжен, ты видел там и собственных соплеменников, и великанов, орков, гномов и моих сородичей...

Я в ужасе посмотрел в лицо Уго. В его глазах стояли слёзы, так и не пролившиеся на морщинистые щёки, зато они были полны гнева и лютой ненависти. У меня не было сомнения, к кому относились эти чувства, больше того, я их разделял...

Глава 5

Несколько мгновений я потрясённо молчал, растерянность внутри меня сменилась яростью.

– Это чудовишно... Изверги, как они могут поступать так с живыми существами... Маньяки, неужели они все такие, как этот папочка Фаби? Все?

Уго вдруг улыбнулся, если улыбкой считать скривившиеся губы, и похлопал меня по руке.

– А ты славный. Но научись сдерживать свой гнев, иначе даже Фаби тебя не защитит. Нет, Эжен. Конечно, не все эльфы таковы, более того, законом запрещено держать пленных в таком неподобающем месте и недостойных условиях. Но это только слова, не более, на самом деле, всем глубоко наплевать, что происходит с пленными. Тем более, если хозяин этого чудовищного места — не кто иной, как один из представителей власти — помощник военного министра, кто будет его проверять?

Он тяжело вздохнул.

– И знаешь, что странно, до сих пор не могу поверить в то, что это происходит в нашем доме. Я столько лет знаю Винса, он никогда раньше не был таким. Поверишь, всегда искренне считал его одним из немногих порядочных эльфов, и вдруг — такое разочарование. Иногда, правда, закрадываются сомнения: почему разместив «зверинец», он не сказал мне об этом сам, а просто оставил записку, чтобы присматривал за этим кошмаром и помалкивал... И с тех пор никогда не интересовался, как там дела. Что он задумал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.